

12+

МАРИЯ НИКОЛАЕВА

Спекулятивное мышление

ДИАЛЕКТИКА ФИКЦИИ

Мария Николаева

**Спекулятивное мышление.
Диалектика фикции**

«Издательские решения»

Николаева М.

Спекулятивное мышление. Диалектика фикции / М. Николаева —
«Издательские решения»,

Слово «спекуляция» странно двоится: в классической философии Гегеля это вершина познания, на бирже — синоним алчности и риска. Что общего между наукой логики и графиком биткоина? Почему нейросеть мыслит диалектически, а фондовый рынок воплощает «хитрость разума»? От латинских зеркал до криптовалют, от буддийской пустоты до гегелевского синтеза — путеводитель по новой эпохе, где фикция стала движущей силой, а спекуляция — универсальным ключом к самой реальности. Фото: автор в Петербурге (2025).

© Николаева М.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Введение. Два лика спекуляции	7
1. Новые зеркала: нейросети и токены	8
2. Оптика преодоления западного снобизма	9
3. Структура путешествия	10
Часть I. История спекуляции от созерцания к умозрению	11
Глава 1. Этимология и история	11
1. Латинские корни	11
2. Средневековая трансформация	13
3. Новое время	16
Глава 2. Генеалогия метода	19
1. Кант как точка отсчёта	19
2. Фихте как движение спекуляции	21
3. Шеллинг между Фихте и Гегелем	23
Глава 3. Порог гегелевского синтеза	26
1. Фиксации противоположностей	26
2. Спекуляция как положительно-разумное	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Спекулятивное мышление Диалектика фictions

Мария Николаева

© Мария Николаева, 2026

ISBN 978-5-0069-9815-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Следуя «моде» как неизбежности, последние годы я все больше погружаюсь в освоение ИИ в функции нейросетей, инвестиций и трейдинга на фондовом рынке, засматриваюсь на криптовалюты... Как профессиональный философ, я не могу ограничиться прикладным использованием современных технологий, не понимая их смысла!

Неожиданно для себя я переосмыслила все свое образование в западной, восточной и социальной философии применительно к тем процессам, которые заставляют заново искать основание в бытии и свое место в меняющемся мире. Вереницы инсайтов вспыхивают в моем мозгу, стоит открыть приложение брокера или ИИ-ассистента...

В юности я была страстной гегельянкой, зачитывая до дыр «Науку логики», но никогда бы не поверила, что «спекулятивное мышление» заиграет новыми красками на бирже. Оглядываясь на научный период, понимаю: при написании тезисов для выступлений на конференциях я сама работала нейросетью, подбирая нужные цитаты в библиотеках.

Философия становится самым востребованным фундаментальным основанием в эпоху искусственного интеллекта, поскольку только человек разумный, а не просто умный, способен с ним совладать. Хотя человечество еще не переосмыслило роль философа в мире, умение мыслить спекулятивно в самом возвышенном смысле имеет ценность.

Возможно, этот труд сделан слишком наспех в попытках догнать стремительно несущиеся преобразования во всех сферах жизни. Но я ставлю себе скромную задачу программного произведения, а скорее даже просто манифеста, где каждая идея и связка заслуживает как минимум дипломной работы, если не докторской диссертации в итоге.

Мария Владимировна Николаева
Санкт-Петербург, 2026

Введение. Два лика спекуляции Гегель в эпоху ИИ и Биткойна

Слово, вынесенное в заглавие книги, сегодня обладает дурной репутацией. В лентах новостей «спекулянт» почти всегда персонаж сомнительной морали: тот, кто наживается на чужой беде, взвинчивая цены на гречку, или бездушный игрок с Уолл-стрит, ставящий на крах экономик. В лучшем случае вспомним «спекуляции» журналистов — догадки, лишённые твердой почвы фактов. Спекулятивное мышление в обыденном сознании прочно срослось с семантикой риска, фикции и необоснованной претензии на знание.

Всего лишь двести лет назад это слово занимало вершину в иерархии познавательных способностей человека. В устах Гегеля «спекулятивное» было высшей похвалой разуму. Оно означало способность мысли схватывать единство противоположностей, видеть за разорванностью эмпирического мира движение абсолютного духа. Спекуляция была не бегством от действительности в мир грез, а самым трудным путем внутрь действительности, понятой как процесс.

Как же случилось, что термин, обозначавший чистое созерцание истины, превратился в синоним биржевой игры? Семантический дрейф не случаен, ибо в нем скрыта глубокая логика, связывающая метафизику германского идеализма с онтологией современного финансового капитализма.

Задача книги — не реабилитировать или обличить спекуляцию, а показать, что финансовый рынок и логика Гегеля суть проявления одной и той же структуры мышления и деятельности. Более того, в современную эпоху их связь обнажается с невиданной ранее остротой. Человечество вступило в эру, которую можно назвать тотальной спекуляцией.

1. Новые зеркала: нейросети и токены

Взглянем на два явных феномена, определяющих повестку дня последних лет: большие языковые модели и криптовалюты.

Что делает нейросеть как генеративный искусственный интеллект? На первый взгляд, компилирует, подражает, галлюцинирует. Рассудок, воспитанный на формальной логике Аристотеля, тут же выносит вердикт: это не мышление, а имитация, ведь субъект-предикатные связи нарушены. Но в глазах гегельянца нейросеть работает вовсе не с фиксированными понятиями, а с вероятностным распределением смыслов. Она постоянно находится в состоянии перехода, где ни одно значение слова не равно самому себе, а всегда становится иным в зависимости от контекста.

Это и есть та самая чистейшая диалектика, вынесенная вовне, в «объективный дух» технологии. Искусственный интеллект не знает закона исключенного третьего, повинаясь снятию — одновременному удержанию и отрицанию предыдущего смысла в потоке генерации. В каком-то смысле нейросеть — это опредмеченное спекулятивное мышление, хоть и лишенное субъективного самосознания, но все же воспроизводящее его логическую форму.

Что касается криптовалюты, то биткоин часто ругают за то, что у него нет реальной стоимости, якобы это чистый пузырь и фикция. Гегель назвал бы это не недостатком, а онтологической сущностью в разделе «Науки логики» о становлении. Что такое стоимость биткоина, если не что-то твердое, лежащее в сейфе? Это чистое соотношение, чистый переход.

Стоимость биткоина существует только в акте обмена, в движении заявок купли-продажи как единстве бытия и ничто. Это в высшей степени спекулятивный объект. Рынок криптовалют не просто экономический феномен, а гигантская коллективная гегелевская логика, разыгрываемая в реальном времени миллионами трейдеров, каждый из которых, сам того не зная, действует как момент «хитрости мирового разума».

Таким образом, изучение спекулятивного мышления не пыльное академическое занятие для историков философии, а насущная необходимость ориентации в современности. Если не понимать, как работает гегелевская логика, никогда не понять и то, почему растет биткоин, галлюцинирует нейросеть, а финансовые рынки ведут себя так, словно являются воплощением абсолютной идеи, познающей самое себя через кризисы.

2. Оптика преодоления западного снобизма

В этой книге мы пойдем несколько необычным путем. Как профессиональный философ и востоковед, я не могу позволить себе замкнуться в герметичном мире западноевропейской метафизики от Платона до Гегеля. Взгляд с другой стороны культурного ареала позволяет увидеть то, что скрыто от глаз носителя традиции.

В суждениях о единстве противоположностей и спекулятивном схватывании истины, индолог и китаист тут же улавливают далекое, но отчетливое эхо.

Разве не о том же говорит даосская диалектика «инь-ян», где одно уже содержит в себе зародыш другого, а мудрец избегает рассудочной фиксации на единичном? Разве диалектика пустоты в трактатах Нагарджуны, разрушающая любые жесткие дхармические определения, не является мощнейшей школой спекулятивного мышления, пусть и с иной, сотериологической целью?

Сопоставление гегелевского снятия и буддийской четверичной логики проводится не ради эклектики, а ради прояснения самой сути спекулятивного метода. Запад пришел к спекуляции через муки субъект-объектного противостояния и экономический интерес, тогда как Восток часто шел через отказ от субъекта и экономии желания.

В точке биржевого терминала эти пути парадоксально сходятся: западный трейдер, сливающий депозит из-за жадности, и восточный мудрец, созерцающий пустотность дхарм, оба имеют дело с реальностью, которая ускользает от рассудочной хватки.

3. Структура путешествия

Мы начнем издалека с археологии термина. Проследим, как *speculatio* (лат.) — акт смотра в зеркало с высокой башни — превратился в метод постижения абсолюта. Затем мы погрузимся в горнило гегелевской мысли.

Вторая часть книги станет попыткой реконструировать спекуляцию как метод самой вещи. Мы разберем знаменитую «хитрость разума», чтобы затем увидеть ее в действии на биржевых площадках мира. Знаменитая «невидимая рука» Адама Смита и гегелевский Дух, действующий за спиной индивидов, встретятся как близнецы-братья, рожденные одной эпохой.

Наконец, мы бросим взгляд на Восток не для сравнения кто лучше, а для того, чтобы стереоскопическое зрение позволило четче разглядеть контуры спекулятивного мышления как универсального феномена, а затем вернемся к образам современных криптобирж и нейросетей, вооруженные новым спекулятивным пониманием реальности.

Здесь нет призывов спекулировать акциями, но это и не учебник по философии. Это попытка доказать, что мы мыслим спекулятивно, не подозреваем ни о чем подобном. Рынок мыслит спекулятивно, даже когда мы думаем, что он просто колеблется. И, возможно, само бытие устроено спекулятивно.

Поняв это, мы перестанем бояться слова «спекуляция» и начнем использовать его как ключ к шифру современности.

Часть I. История спекуляции от созерцания к умозрению

Глава 1. Этимология и история Переход от *speculum* к *speculatio*

Прежде чем стать термином гегелевской логики и тем более — обозначением биржевой игры, слово «спекуляция» прожило долгую жизнь в латинском языке и в средневековой культуре. Его судьба поучительна: оно никогда не было однозначным. Уже в античности в нём мерцали смыслы, которые позже разойдутся по разным полюсам — созерцание и расчёт, возвышенное умозрение и практическая хитрость.

Задача этой главы — провести археологию термина, восстановить его исходные семантические пласты и показать, что гегелевское и биржевое значения не были случайным отклонением от некоего «чистого» истока, а, напротив, изначально содержались в этимологической структуре слова.

Мы начнём с латинских корней — *specula*, *speculum*, *speculatio* — и проследим, как метафора зрения и отражения задавала траекторию, по которой понятие двигалось на протяжении двух тысячелетий. Затем обратимся к средневековой трансформации, когда спекуляция стала синонимом богословского созерцания, и, наконец, к Новому времени, когда она превратилась в обозначение теоретического знания как такового.

Этот путь необходим, чтобы понять: когда Гегель возьмёт слово в свой философский обиход, он будет работать не с пустым термином, а с густой и многослойной традицией, которую он одновременно унаследует и снимет.

1. Латинские корни *Specula*, *speculum*, *speculatio*

Латинский глагол *spesere* означает «смотреть», «глядеть», «наблюдать». От него образовано семейство слов, каждое из которых задаёт свой оттенок зрения. Нас интересуют три ключевых существительных: *specula*, *speculum* и *speculatio*. Их семантическое поле очерчивает пространство, в котором позже развернётся драма спекулятивного мышления.

***Specula*: взгляд с высоты**

Specula — это сторожевая башня, возвышенное место для наблюдения. В военном контексте речь шла о дозоре: с башни высматривают приближение врага или кораблей, но уже здесь заложен важнейший смысловой сдвиг.

Наблюдатель на башне не просто смотрит, он высматривает, он ищет знаки, он занят предвосхищением. Его взгляд направлен вдаль, к горизонту, туда, где ещё ничего нет, но что-то уже может появиться. Это зрение, устремлённое к будущему, к тому, чего ещё нет в наличии. Более того, наблюдатель на башне физически отделён от тех, за кем он наблюдает. Он не участвует в событии, он созерцает его со стороны, занимая привилегированную, возвышенную позицию.

Здесь уже мерцает будущее философское значение: спекуляция как взгляд, возвышающийся над эмпирической суетой, как дистанцированное созерцание целого. Но здесь же мерцает и будущее биржевое значение: спекулянт как тот, кто высматривает возможность, кто

раньше других замечает движение рынка и извлекает выгоду из своего привилегированного положения.

Speculum: взгляд в отражение

Speculum — это зеркало. Этимология здесь прозрачна: зеркало есть инструмент смотра. Но зеркало вносит в акт зрения фундаментальное удвоение. Глядя в зеркало, я вижу не саму вещь, а её отражение. Я вижу образ, который одновременно и есть вещь, и не есть она. Зеркало порождает удвоение реальности, вводит измерение видимости. И это измерение амбивалентно.

С одной стороны, зеркало может обманывать, показывать искажённое, перевёрнутое, льстить или уродовать. С другой — именно зеркало позволяет увидеть то, что иначе недоступно прямому взгляду: собственное лицо, собственную душу в метафорическом смысле.

Платон, как мы помним, использовал метафору зеркала для описания отношения между идеями и вещами: чувственный мир есть отражение, подобие мира идей. Позже, в неоплатонизме и у Августина, зеркало станет метафорой души, в которой отражается божественный свет.

Важно удержать двойственность: speculum — это и возможность увидеть истину (через отражение), и риск остаться в плену видимости, иллюзии, фикции. Спекулятивное мышление всегда будет балансировать на этой грани.

Speculatio: акт и его раздвоение

Speculatio — отглагольное существительное, обозначающее сам акт смотрения-высматривания. В классической латыни оно употреблялось в двух основных значениях. Первое — военное или охотничье: выслеживание, разведка, наблюдение с башни. Здесь акцент на активности, на поиске, на устремлённости к тому, что скрыто. Второе значение уже чисто философское: умозрение, созерцание истины, теоретическое размышление. Цицерон употребляет speculatio как перевод греческого theoria.

Здесь происходит важный сдвиг. Греческая theoria этимологически связана с theos (бог) и horao (смотреть): созерцание божественного. Но также theoros — это посол, отправленный на празднество или к оракулу, то есть тот, кто путешествует, чтобы увидеть нечто важное и вернуться с вестью. В speculatio латиняне удержали оба оттенка: это и возвышенное созерцание, и практическое высматривание, почти разведывательная деятельность.

Таким образом, уже в античности термин содержал в себе напряжение между чистой теорией и практической хитростью, между бескорыстным узрением истины и заинтересованным поиском возможности. Это напряжение не будет снято никогда; оно будет лишь переходить из одной исторической формы в другую, чтобы в конце концов воплотиться в фигуре биржевого трейдера, который одновременно и «теоретик» рынка (аналитик, созерцатель графиков), и «разведчик» (высматривающий момент для входа в позицию).

Метафора зрения и её пределы

Вся этимологическая триада держится на метафоре зрения. Спекуляция — прежде всего смотрение. Но что значит смотреть? Античная философия с самого начала проблематизировала зрение. Уже Парменид различал «путь истины» и «путь мнения», доступный смертным, блуждающим в мире видимостей.

Платон в мифе о пещере описывает восхождение от теней к свету как трудный путь, требующий поворота души. Зрение само по себе не гарантирует истины; оно может быть обманчивым, оно нуждается в очищении, в правильной направленности.

Спекуляция как смотрение наследует эту проблему. Что именно видит спекулятивный ум? Истину или её отражение? Сущность или видимость? И можно ли вообще увидеть истину, не пройдя через видимость, не отразившись в зеркале?

Эти вопросы станут центральными для всей последующей традиции. Гегель даст радикальный ответ: истина не за видимостью, а в самом движении видимости. Спекулятивное мышление не отбрасывает отражения, а схватывает их в их необходимости.

Римская специфика

Разительные изменения происходят между греческой теорией и практическим гением. Латинская передача греческого *theoria* через *speculatio* не была нейтральной. Римляне, с их практическим складом ума, гением государственного строительства и военной организации, неизбежно вносили в термин оттенок деловитости.

Для грека *theoria* — высшая форма жизни, *bios theoretikos*, жизнь, посвящённая созерцанию вечных истин. Для римлянина *speculatio* всегда сохраняла связь с *specula* как сторожевой башней, дозором, практической задачей. Римский полководец, высматривающий врага с башни, занимается *speculatio* не ради чистого созерцания, а ради предстоящего сражения. Его взгляд инструментален и подчинён цели.

Практический оттенок никогда не исчезнет полностью. Он будет дремать в семантике слова на протяжении всего Средневековья, чтобы с новой силой актуализироваться в эпоху зарождения капитализма, когда спекуляция окончательно получит экономическое значение.

Пока же, в римской культуре, два значения — возвышенно-созерцательное и практически-разведывательное — сосуществуют, не сливаясь, но и не вступая в открытый конфликт. Они как два берега одной реки, по которой ещё предстоит проплыть.

Этимологический анализ показывает: «спекуляция» изначально несёт в себе тройную интенцию. С одной стороны — взгляд ввысь, к горизонту, к тому, что за пределами наличного. С другой — взгляд в зеркало, в отражение, в мир видимостей. С третьей — взгляд разведчика, высматривающего возможность, момент для действия.

Три вектора — трансценденция, рефлексия, прагматика — образуют смысловое ядро, из которого вырастут все последующие судьбы понятия. Гегелевская спекуляция унаследует первый вектор (возвышение до абсолюта) и второй (работу с видимостью и отражением).

Биржевая спекуляция унаследует третий (высматривание возможности), но парадоксальным образом, второй тоже, ибо рынок есть царство видимостей, где стоимость отражается в цене и никогда не совпадает с ней полностью.

Прежде чем эти линии разойдутся и вновь сойдутся, нужно проследить средневековую трансформацию термина — эпоху, когда *speculatio* стало синонимом богословского созерцания, а зеркало из инструмента удвоения реальности превратилось в метафору мистического богопознания.

2. Средневековая трансформация

От чувственного взгляда к интеллектуальному узрению

Переход от античности к Средневековью состоял в смене контекста и переориентации зрения, и он означал для понятия спекуляции не просто смену культурного контекста, но фундаментальную переориентацию самого акта зрения.

Античная *speculatio*, даже в её философском, созерцательном модусе, всегда сохраняла связь с чувственным взором, с телесным глазом, который смотрит на мир или на умопостигаемые основания.

Средневековая мысль, напротив, всё больше разводит чувственное и интеллектуальное зрение, и *speculatio* постепенно становится обозначением именно второго — чистого умозрения, не нуждающегося в телесном глазе и даже подозрительного по отношению к нему.

Августин: душа как зеркало божественного

Ключевую роль в данной трансформации сыграл Августин. В его трудах, особенно в «Исповеди» и в трактате «О Троице», *speculatio* и родственные слова употребляются в контексте богопознания. Для Августина ум человека есть образ Божий, а потому, всматриваясь в собственную душу, человек может узреть следы Троицы.

Всматривание и есть *speculatio*, но важно, что речь идёт не о чувственном зрении. Августин многократно предостерегает против того, чтобы представлять Бога в телесных образах. *Speculatio* — это акт ума, обращённого к самому себе и через себя — к Богу.

Зеркало, *speculum*, становится здесь метафорой души: душа есть зеркало, в котором отражается божественный свет, но зеркало затемнено грехом, и задача верующего — очищаться, чтобы отражение становилось яснее.

Так спекуляция получает этическое и аскетическое измерение: она требует очищения, отрешения от чувственного, сосредоточения.

Монашеская традиция XII века

Рассмотрим ступени познания и созерцание через зеркало. Дальнейшее развитие эта линия получает в монашеской традиции, особенно у цистерцианцев и викторианцев XII века.

Бернар Клервоский говорит о «спекулятивном созерцании» как о высшей ступени духовного восхождения. Гуго Сен-Викторский в «Дидакаликоне» различает три ступени познания: *cogitatio* (обыденное мышление, рассеянное и хаотичное), *meditatio* (сосредоточенное размышление) и *contemplatio* (чистое созерцание, интуитивное схватывание истины).

Speculatio часто выступает синонимом *contemplatio*, но с важным оттенком: *speculatio* — созерцание через зеркало, через отражение, тогда как чистое *contemplatio* возможно лишь в будущей жизни, когда мы увидим Бога «лицом к лицу».

Здесь вновь возникает платоновский мотив: земное познание есть лишь отражение, тень истины. Спекуляция — удел падшего человека, который видит как бы зеркалом (гадательно). Но в такой ущербности заключено достоинство: само стремление к спекулятивному познанию есть движение души к Богу.

Фома Аквинский: созерцательный и практический ум

Схоластика XIII века, и прежде всего Фома Аквинский, придаёт понятию спекуляции более строгую философскую форму. В «Сумме теологии» Фома различает *intellectus speculativus* и *intellectus practicus* — ум созерцательный и ум практический. Первый ум направлен на познание истины ради самой истины, в отличие от второго, направленного на действие.

Это различение, восходящее к Аристотелю, станет классическим для всей западной философии, но у Фомы оно получает теологическое обоснование: высшая истина есть Бог, и потому созерцательный ум в своём пределе устремлён к богопознанию.

Причем Фома, как и Августин, настаивает на том, что в земной жизни наше познание Бога всегда опосредовано — тварным миром, Писанием, таинствами. Мы видим Бога лишь «в зеркале творений». *Speculatio* остаётся познанием через отражение, через аналогию, через следы.

Мистическая традиция в апофатическом богословии

Важно отметить ещё один аспект средневековой трансформации. *Speculatio* постепенно отделяется не только от чувственного зрения, но и от дискурсивного, рассудочного мышления.

В мистической традиции, особенно у Мейстера Экхарта и в рейнской школе, спекуляция сближается с мистическим единением, с выходом за пределы всяких образов и понятий. Экхарт говорит о «спекулятивном уме», который, отрешившись от всего тварного, погружается в божественную бездну.

Здесь спекуляция становится почти синонимом апофатического богословия — познания через незнание, или отказ от всех определений. Крайняя точка, до которой доходит средневековая спиритуализация термина от военного высматривания с башни — к безмолвному погружению в божественный мрак.

Парадокс средневековья: различие внутри единства

Именно в крайней точке обнаруживается парадокс, который позже станет важным для Гегеля. Средневековая спекуляция стремится к чистому созерцанию, свободному от всякой чувственности и даже от всякой рассудочности. Однако она никогда не может полностью освободиться от метафоры зеркала, от идеи отражения.

Отражение всегда предполагает некоторое удвоение, различие, опосредование. Даже мистик, погружаясь в бездну, всё ещё находится в зеркальном отношении к Богу, иначе не было бы самого акта погружения.

Абсолютная непосредственность остаётся недостижимой. В этом смысле средневековая спекуляция, сама того не желая, удерживает момент различия как негативности, который Гегель позже сделает центральным в понимании спекулятивного.

Бог средневековых мистиков — не абстрактное тождество, а живое единство, включающее в себя различие всех ликов единой Троицы. И спекулятивное погружение в это единство есть не уничтожение различия, а его снятие в высшем синтезе.

Наследие: напряжение между абсолютным и опосредованием

Средневековье, таким образом, оставляет в наследство Новому времени двойственное понятие спекуляции. С одной стороны, это высшая форма познания, чистое умозрение, устремлённое к абсолютной истине. С другой же, познание всегда опосредованное, всегда «в зеркале», всегда несущее на себе печать тварной ограниченности.

Предельное напряжение между абсолютностью устремления и относительностью достижения станет движущей силой дальнейшей эволюции термина. Новое время попытается разрешить его, либо секуляризовав спекуляцию и превратив её в синоним теоретической науки, либо, например у Канта, радикально ограничив её притязания.

Латентное экономическое значение «расчётливый взгляд»

Прежде чем обратиться к истории, нужно зафиксировать ещё один важный сдвиг, произошедший в средневековом понятии спекуляции, — сдвиг, связанный с латинским словом *speculatio* в его юридическом и экономическом употреблении.

Уже в поздней античности и раннем Средневековье у слова *speculatio* появляется значение, далёкое от возвышенного созерцания: спекуляция как разведка, высматривание, но также и как спекуляция в почти современном смысле, а именно скупка товаров в предвидении роста цен.

В кодексе Юстиниана и в более поздних юридических текстах встречается выражение *crimen speculationis* — преступление, связанное со скупкой зерна или других продуктов с целью перепродажи по завышенной цене.

Данное значение, разумеется, оставалось периферийным на фоне господствующего теологического употребления, но никогда не исчезло полностью. В нём сохранялась память о римской *specula* — сторожевой башне, с которой высматривают не только врага, но и торговые корабли, о *speculatio* как о расчётливом, заинтересованном взгляде.

Средневековье, сосредоточенное на небесном, отодвинуло это значение на задний план, но не уничтожило. Оно дремало в языке, чтобы пробудиться в эпоху Возрождения и особенно в XVII—XVIII веках, когда спекуляция окончательно обретёт финансовое кредо.

Три вектора средневековой трансформации

Итак, средневековая трансформация понятия спекуляции представляет собой сложный процесс, в котором можно выделить три основных вектора.

Во-первых, спиритуализация: *speculatio* становится синонимом чистого умозрения, оторванного от чувственного взгляда.

Во-вторых, этизация: спекуляция требует очищения души, аскезы, отрешения от мира.

В-третьих, сохранение латентного практического значения: в тени возвышенного созерцания продолжает жить *speculatio* как расчётливый, заинтересованный взгляд, готовый извлечь выгоду из замеченной возможности.

Все три вектора будут по-разному активированы в последующей истории. Гегель попытается синтезировать первый и третий, показав, что чистое умозрение и практический интерес не исключают друг друга, а диалектически связаны. Но потребуются пройти через горнило новоевропейской философии, чтобы в этом убедиться.

3. Новое время

Спекуляция как синоним теоретического знания

Средневековье вознесло спекуляцию к вершинам божественного созерцания, а Новое время секуляризует её и одновременно проблематизирует.

С одной стороны, термин «спекулятивный» становится почти синонимом «теоретического», обозначая вообще всякое познание, не направленное непосредственно на практику. С другой, именно в Новое время впервые ставится под вопрос сама возможность спекулятивного познания, его границы и его право на существование.

Судьба самого понятия от Возрождения до Канта показывает, как спекуляция постепенно утрачивает привилегированный статус и оказывается перед судом критической философии.

Возрождение: возврат к истокам и первые трещины

Эпоха Возрождения возвращает понятию спекуляции античную многозначность. Гуманисты, обращаясь к латинским источникам, восстанавливают связь *speculatio* с созерцанием природы и человека. У Пико делла Мирандолы, например, спекулятивная философия — это путь восхождения к божественному через познание мира, путь, на котором человек реализует свою свободу.

Однако уже здесь намечается трещина. Возрожденческий интерес к природе, к эмпирическому миру, постепенно смещает акцент с чистого умозрения на наблюдение и эксперимент. *Speculatio* всё чаще означает не мистическое погружение в божественную бездну, а теоретическое рассмотрение природных явлений.

Это ещё не разрыв, но уже симптом грядущего разделения.

XVII век: спекуляция против эксперимента

С возникновением новоевропейской науки в XVII столетии трения между спекулятивным и эмпирическим знанием выходят на первый план. Фрэнсис Бэкон в «Новом органоне» противопоставляет свою индуктивную экспериментальную философию «спекулятивности» схоластов, которую он обвиняет в бесплодности.

Спекуляция здесь есть познание, оторванное от опыта, витающее в облаках абстракций и не приносящее практических плодов. Это уничижительное значение закрепится в научном дискурсе надолго.

Однако в том же XVII веке термин сохраняет и позитивный смысл. Для Декарта, Спинозы, Лейбница спекулятивное мышление — синоним строгого философского рассуждения, опирающегося исключительно на ясные и отчётливые идеи, на аксиомы и дедукцию.

Спекуляция здесь противостоит не столько эксперименту, сколько предрассудкам, мнениям, чувственной недостоверности. Она есть путь к истине, независимый от капризов чувственного восприятия.

Рационализм и эмпиризм: два полюса спекуляции

Размежевание рационализма и эмпиризма в XVII—XVIII веках задаёт два полюса, между которыми будет колебаться понятие спекуляции.

Для рационалистов спекулятивное познание — высшая форма знания. Спиноза в «Этике» строит свою систему геометрическим методом, дедуктивно выводя всё многообразие мира из единой субстанции. Это чистейший образец спекулятивной философии: мысль движется от первопринципов к следствиям, не обращаясь к опыту. Лейбниц, различая истины факта и истины разума, отдаёт безусловное первенство последним, которые познаются именно спекулятивно.

Для эмпириков, напротив, спекуляция — это синоним схоластической пустоты. Локк в «Опыте о человеческом разумении» критикует тех, кто, «спекулируя» о субстанциях и сущностях, упускает из виду реальное устройство человеческого познания и его границы. Юм доведёт критику до логического конца, показав, что чистые спекулятивные идеи причинности, субстанции, Я суть лишь привычки ума, не имеющие объективного обоснования.

Вольф и немецкая философия: спекуляция как система

В Германии XVIII века понятие спекуляции получает новое развитие благодаря Христиану Вольфу и его школе. Вольф строит грандиозную систему философии, в которой спекулятивное познание занимает центральное место.

Здесь спекулятивная философия — наука о возможном, поскольку оно возможно. Она исследует основания бытия и мышления, не зависящие от опыта. Вольф делит философию на теоретическую (спекулятивную) и практическую, закрепляя данное разделение в университетском обиходе.

Именно в вольфианской школе формируется тот язык, на котором позже заговорит немецкая классическая философия. Термин «спекулятивный» становится техническим, обозначая определённый тип рационального познания, противопоставленный эмпирическому.

Однако сама вольфианская спекуляция остаётся рассудочной и догматической. Она не знает диалектики, не знает противоречия как движущей силы мысли. Это царство формальной логики, где все понятия строго разграничены и неподвижны. Именно против столь окостеневшей спекуляции выступит Кант.

Кант: критика спекулятивного разума и новое оправдание

Иммануил Кант совершает переворот в судьбе спекулятивного мышления. «Критика чистого разума» имеет подзаголовок, который прямо отсылает к нашей теме: критика разума с точки зрения его спекулятивных притязаний.

Кант показывает, что традиционная метафизика, претендовавшая на спекулятивное познание Бога, души и мира как целого, выходит за пределы возможного опыта и потому неизбежно запутывается в антиномиях. Спекулятивный разум, предоставленный самому себе, с неизбежностью впадает в противоречия.

Вынося строгий приговор старой, догматической спекуляции, Кант не отвергает спекуляцию полностью, сохраняя важнейшую функцию. Спекулятивные идеи разума (душа, мир, Бог) дают не познание, а лишь регулятивные принципы, направляющие рассудок в эмпирических исследованиях. Более того, в практической философии спекулятивные идеи обретают объективную значимость через моральный закон.

Таким образом, Кант ограничивает спекуляцию, чтобы спасти её в новом качестве. Он проводит границу между рассудком и разумом, где рассудок познаёт явления, а разум мыслит noumena, не познавая их, но необходимо предполагая. Это различие станет отправной точкой для всего последующего немецкого идеализма.

От Канта к Гегелю: спекуляция на пороге диалектики

Кантовская критика поставила перед философией задачу: как возможна спекуляция после Канта? Если разум не может познавать сверхчувственное, не впадая в антиномии, то не означает ли это конец спекулятивной философии?

Фихте, Шеллинг и Гегель ответят на вызов по-разному, но общим будет стремление преодолеть кантовский запрет и восстановить спекуляцию в правах. Фихте покажет, что антиномии разума — не признак бессилия, а выражение деятельной природы. Шеллинг разовьёт идею интеллектуального созерцания как органа спекулятивного познания.

Гегель же пойдёт дальше всех: он превратит саму антиномичность, саму противоречивость разума в метод. Спекуляция перестанет быть либо догматическим утверждением, либо скептическим отрицанием. Она станет схватыванием единства противоположностей, движением, в котором противоречие не избегается, а удерживается и снимается.

Это будет уже не кантовская критика спекуляции, а спекулятивная критика рассудка.

Двойной итог Нового времени

Новое время оставляет понятие спекуляции в двойственном состоянии. С одной стороны, спекуляция окончательно секуляризуется и становится синонимом теоретического доопытного познания. Она институционализируется в университетской философии, получая строгие логические формы. С другой, подвергается разрушительной критике сначала со стороны эмпиризма, затем со стороны кантовского критицизма.

К концу XVIII века спекулятивная философия оказывается в кризисе: её притязания на познание сверхчувственного поставлены под вопрос, её метод признан догматическим. Но именно в кризисе рождается возможность нового диалектического понимания спекуляции.

Гегель, наследник и ярый «преодолевающий» Канта, превратит спекулятивное мышление из синонима догматической метафизики в обозначение высшей формы разума, способного удерживать противоречие и видеть в нём не тупик, а путь к истине.

Новое время завершается вопросом, на который ответит немецкий идеализм: возможна ли спекуляция после её критики?

Первая глава книги проследила этимологическую и историческую траекторию понятия спекуляции от античности до Канта. Мы увидели, что термин изначально содержал в себе двойственность: созерцание и расчёт, возвышенное умозрение и практическое высматривание.

Средневековые спиритуализовали спекуляцию, превратив её в путь богопознания, но сохранили латентное практическое значение. Новое время секуляризовало термин и одновременно подвергло его критике, поставив под вопрос возможность спекулятивного познания.

Теперь мы готовы обратиться к философии, которая попытается разрешить кризис, — к немецкому идеализму и прежде всего к Гегелю, для которого спекуляция станет не просто одним из методов познания, но самой стихией мыслящего себя разума.

Глава 2. Генеалогия метода Спекулятивное мышление до Гегеля

Гегелевское понятие спекуляции не возникло из ничего. Оно было подготовлено всем развитием немецкой философии конца XVIII — начала XIX века, и прежде всего работами Канта, Фихте и Шеллинга. Каждый из этих мыслителей внёс свой вклад в формирование того, что позже станет гегелевским спекулятивным методом.

Кант провёл границу между рассудком и разумом и показал неизбежность антиномий, в которые впадает разум, пытающийся мыслить безусловное. Фихте превратил антиномичность в движущую силу диалектики Я и не-Я. Шеллинг выдвинул идею тождества субъекта и объекта как основания спекулятивного познания.

Задача — проследить генеалогию гегелевской спекуляции, показав, что именно Гегель наследует у своих предшественников и в чём он их радикально преодолевает. Без генеалогического анализа гегелевская «Наука логики» рискует остаться герметичным памятником, тогда как она есть органический итог целой эпохи философского развития.

1. Кант как точка отсчёта Рассудок и разум, границы спекулятивного

Иммануил Кант стоит у истока всей проблематики спекулятивного в немецком идеализме. Критическая философия задавала ту систему координат, в которой будут работать все последующие мыслители. Ключевое значение имеет кантовское различие рассудка и разума, а также его учение об антиномиях и о регулятивном применении идей разума. Именно Кант впервые со всей остротой поставил вопрос: возможна ли спекуляция как познание безусловного, и если да, то в какой форме?

Рассудок и разум: первое различие

Кант определяет рассудок как способность устанавливать правила, подводить многообразие чувственных созерцаний под категории. Рассудок работает в границах возможного опыта и познаёт явления, но не вещи сами по себе. Суждения всегда синтетичны, они соединяют чувственное созерцание с понятием.

Разум же, по Канту, есть способность умозаключать, выводить частное из всеобщего. Разум стремится к безусловному, к тому, что уже не обусловлено ничем иным. Он ищет абсолютную полноту условий для всякого обусловленного.

Это стремление естественно и неустранимо: разум не может не задаваться вопросами о Боге, душе и мире как целом. Однако именно здесь возникает проблема.

Идеи разума и спекулятивное применение

Разум производит идеи — понятия о безусловном. Кант выделяет три такие идеи: душа (безусловное единство мыслящего субъекта), мир (безусловное единство ряда явлений) и Бог (безусловное единство всех предметов мышления вообще).

Идеи не могут быть даны ни в каком опыте — они суть чистые понятия разума, или трансцендентальные идеи. Спекулятивное применение разума заключается именно в попытке познать безусловные предметы, выйти за пределы возможного опыта.

Здесь, согласно Канту, разум неизбежно терпит крушение.

Антиномии как приговор догматической спекуляции

Наиболее ярко крушение спекулятивного разума демонстрируют антиномии — противоречия, в которые разум впадает, пытаясь мыслить мир как целое. Кант формулирует четыре антиномии, каждая из которых состоит из тезиса и антитезиса, одинаково хорошо доказуемых.

Например, первая антиномия: мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве — мир не имеет начала во времени и бесконечен в пространстве. Обе стороны могут быть строго доказаны, и обе при этом ложны, если понимать их как утверждения о вещах самих по себе.

Антиномии показывают, что спекулятивный разум, пытаясь познать безусловное, запутывается в неразрешимых противоречиях. Это приговор догматической метафизике, которая до Канта претендовала на спекулятивное познание сверхчувственного.

Регулятивное применение идей: спасение спекуляции

Означает ли это, что спекуляция невозможна вовсе? Кант отвечает отрицательно. Идеи разума не дают конститутивного познания, то есть не расширяют знание о предметах. Но они имеют регулятивное применение, направляя рассудок в эмпирических исследованиях, побуждая его искать всё большего единства и систематичности.

Идея души побуждает рассматривать все душевные явления как связанные в едином субъекте. Идея мира — искать всё более полные объяснения в ряду причин и следствий. Идея Бога — рассматривать природу так, как если бы она была создана высшим разумом.

Более того, в практической философии, в сфере морали, идеи разума обретают объективную значимость через моральный закон. Бог, свобода, бессмертие души становятся постулатами практического разума. Так Кант ограничивает спекуляцию, чтобы спасти её в новом, критическом качестве.

Наследие Канта для последующей традиции

Кантовская критика поставила перед философией задачу, которая определила развитие всего немецкого идеализма. Как возможно спекулятивное познание после того, как Кант показал его неизбежную антиномичность?

Ответы будут разными. Фихте увидит в антиномиях не тупик, а выражение деятельной природы Я. Шеллинг попытается преодолеть кантовский дуализм через идею интеллектуального созерцания. Гегель пойдёт дальше всех: он превратит саму антиномичность, саму противоречивость разума в метод.

Для Гегеля противоречие — не знак бессилия разума, а его подлинная стихия. Спекулятивное мышление не избегает антиномий, а удерживает их и движется через них к синтезу. В этом смысле Гегель — прямой наследник Канта, который радикально переосмыслил полученное наследие.

Гегель принимает кантовское открытие антиномичности разума, но отказывается от кантовского запрета на познание безусловного. Для Гегеля само движение внутри противоречия и есть познание безусловного не как неподвижного предмета, а как живого процесса.

Кант заложил фундамент проблематики спекулятивного в немецком идеализме. Он провёл границу между рассудком и разумом, показал неизбежность антиномий при попытке спекулятивного познания безусловного и предложил регулятивное применение идей как выход из кризиса.

Но решение осталось дуалистическим: явление и вещь в себе, рассудок и разум, теоретическое и практическое остались разделёнными. Преодоление дуализма станет задачей следующих поколений. Фихте первым попытается вывести всё из единого принципа — из деятельности Я.

2. Фихте как движение спекуляции

Диалектика Я и не-Я — задача преодоления дуализма

Иоганн Готлиб Фихте был первым, кто попытался радикально преодолеть кантовский дуализм. Для него кантовская вещь в себе была непоследовательностью, от которой следовало отказаться. Если философия хочет быть строгой наукой, она должна вывести всё содержание знания из единого принципа.

Таким принципом для Фихте становится Я — не эмпирическое, индивидуальное я, а абсолютное Я, чистая деятельность самосознания. Именно в движении Я Фихте впервые разворачивает диалектику, которая станет прообразом гегелевского спекулятивного метода.

Первое основоположение: Я полагает само себя

Фихте начинает свою систему с акта самополагания Я. Первое основоположение наукоучения гласит: Я полагает само себя. Это не вывод из чего-то предшествующего, а непосредственный акт, в котором Я и его бытие совпадают.

Я существует лишь постольку, поскольку оно полагает себя, и оно полагает себя именно как существующее. В этом акте уже заключена диалектика: Я одновременно является и субъектом (тем, кто полагает), и объектом (тем, что полагается).

Я есть тождество субъекта и объекта, но тождество, реализующееся через различие. Таков первый шаг к спекулятивному пониманию: абсолютное не неподвижное единство, а порождающее различие внутри себя.

Второе основоположение: Я полагает не-Я

Второе основоположение вводит противоположение: Я полагает не-Я. Это необходимо, потому что чистое самополагание абстрактно и бессодержательно. Чтобы Я могло познавать и действовать, ему нужно нечто отличное от себя, нечто, что оно может определять и преодолевать.

Не-Я всё, что противостоит Я: природа, объективный мир, материя ощущений. Но важно, что не-Я полагается самим Я. Значит, оно не нечто внешнее, независимое, вторгающееся извне, а само продукт деятельности Я, хотя и бессознательной.

Здесь Фихте радикально порывает с кантовской вещью в себе: никакой независимой от Я реальности не существует. Всё есть полагание Я.

Третье основоположение: взаимное ограничение и синтез

Первые два основоположения находятся в противоречии: Я полагает не-Я, которое противоположно Я и, казалось бы, должно его уничтожить. Но Я не может быть уничтожено, ибо оно есть сама деятельность.

Третье основоположение разрешает это противоречие через взаимное ограничение: Я полагает в себе делимое Я и делимое не-Я. Иными словами, Я и не-Я ограничивают друг друга в рамках единого абсолютного Я.

Вот самый первый в истории немецкого идеализма образец диалектического синтеза: тезис (Я полагает себя), антитезис (Я полагает не-Я), синтез (взаимное ограничение). Фихте называет свой метод антитетико-синтетическим. Он станет прямым прообразом гегелевской диалектики.

Деятельность и страдание: диалектика взаимоопределения

Дальнейшее развитие системы Фихте представляет собой развёртывание диалектики взаимного определения. Я определяет не-Я, но при этом само определяется им. Деятельность Я

наталкивается на сопротивление не-Я, а данное сопротивление есть условие самой деятельности.

Без препятствия нет усилия, без не-Я нет самосознания. Я познаёт себя лишь через отношение к иному. Это чисто спекулятивная структура: тождество Я достигается только через различие с не-Я и через снятие этого различия.

Фихте демонстрирует на примере теоретического и практического разума, что в теоретическом отношении Я определяется не-Я (познаёт объект), а в практическом — Я определяет не-Я (преобразует мир). Обе деятельности суть моменты единого процесса самопознания абсолютного Я.

Бесконечное стремление и недостижимый идеал

Важнейшая черта фихтевской диалектики — принципиальная незавершённость. Я никогда не достигает полного тождества с собой, полного снятия не-Я. Не-Я всегда остаётся как то, что должно быть преодолено.

Абсолютное Я не наличное состояние, а бесконечное стремление, идеал, к которому эмпирическое я бесконечно приближается. В этом Фихте остаётся кантианцем: спекулятивное познание абсолюта есть бесконечная задача, а не завершённое обладание.

Гегель позже упрекнёт Фихте именно в том, что противоречие никогда не снимается окончательно, ожидаемый синтез остаётся долженствованием. Гегелевская спекуляция, напротив, будет сразу утверждать, что абсолютное всегда уже достигнуто, что дух всегда у себя, только не знает об этом факте.

Продуктивное воображение как орган спекуляции

Особого внимания у Фихте заслуживает понятие продуктивного воображения. Именно оно осуществляет синтез противоположностей, порождает ту «видимость», в которой Я и не-Я встречаются и взаимно определяются.

Продуктивное воображение — бессознательная деятельность, создающая сам мир явлений. Оно есть подлинный орган спекуляции, хотя Фихте ещё не употребляет данный термин в гегелевском смысле.

Позже Шеллинг разовьёт эту идею в интеллектуальном созерцании, а Гегель превратит в учение о спекулятивном мышлении как сознательном методе.

Фихте и Гегель: преемственность и разрыв

Фихте впервые в истории философии сделал диалектику методом построения системы, показав, что противоречие не ошибка, а движущая сила мышления. Он понял абсолютное не как неподвижную субстанцию, а как деятельность, как субъект.

Всё это войдёт в плоть и кровь гегелевской философии, однако Гегель радикально переосмыслит фихтевское наследие. У Фихте диалектика остаётся субъективной: она разворачивается внутри Я, а не-Я есть лишь его продукт. Гегель же перенесёт диалектику в само бытие, в саму вещь.

Спекулятивное мышление станет не субъективным методом, а методом самой действительности. Кроме того, Гегель откажется от фихтевской бесконечной задачи: дух не стремится к абсолюту, а всегда уже есть абсолют, познающий самого себя в истории и философии.

Фихте совершил воистину решающий шаг от кантовской критики к спекулятивному идеализму, превратив антиномии разума из свидетельства бессилия в движущую силу диалектики. Он показал, что абсолютное есть не вещь, а деятельность, и что познание абсолюта есть процесс, разворачивающийся через противоречия.

Но система Фихте осталась пленницей субъективного идеализма: диалектика разыгрывается только внутри Я. Следующий шаг по превращению субъективного идеализма в объективный сделает Шеллинг.

3. Шеллинг между Фихте и Гегелем

Тождество субъекта и объекта и предчувствие абсолюта

Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг занимает уникальное положение в истории немецкого идеализма: начинает как последователь Фихте, затем преодолевает его субъективный идеализм, создаёт философию тождества, а в поздний период переходит к «позитивной философии», которая окажет влияние на критиков Гегеля.

Важны прежде всего труды Шеллинга периода натурфилософии и философии тождества, когда он вплотную подходит к понятию спекуляции в гегелевском смысле, хотя не достигает систематической разработки.

Натурфилософия: объективация диалектики

Первый шаг Шеллинга за пределы Фихте — натурфилософия. Если Фихте вывел природу как не-Я из деятельности абсолютного Я, то Шеллинг переворачивает перспективу. Он спрашивает: как из бессознательной природы возникает сознание?

Природа для Шеллинга не мёртвый механизм, а живой организм, пронизанный внутренней динамикой. Она есть «спящий дух», бессознательная интеллигенция. В природе действуют те же диалектические закономерности, что и в сознании: единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, полнота сил.

Шеллинг переносит диалектику из субъективной сферы в объективную. Природа сама диалектична. Это решающий шаг к гегелевскому пониманию: спекулятивное движение есть не только метод мышления, но и способ бытия самой действительности.

Интеллектуальное созерцание как орган спекуляции

Ключевое понятие шеллинговской философии того периода — интеллектуальное созерцание. Это способность ума схватывать единство противоположностей непосредственно, не прибегая к дискурсивному рассуждению.

Интеллектуальное созерцание есть орган философии, подобно тому как чувственное созерцание есть орган эмпирического познания. В акте интеллектуального созерцания субъект и объект совпадают: созерцающий и созерцаемое суть одно. Тождество и есть абсолют.

Шеллинг утверждает, что такое созерцание возможно и что оно лежит в основе всякого подлинного философствования. Гегель позже подвергнет это понятие резкой критике. Для него интеллектуальное созерцание есть нечто непосредственное, а значит, абстрактное, лишённое развития.

Спекулятивное мышление, согласно Гегелю, не может быть непосредственным созерцанием; оно должно пройти через труд понятия, через опосредование и снятие. Тождество субъекта и объекта у Гегеля — не исходный пункт, а результат диалектического процесса.

Философия тождества: абсолют как индифферентность

В философии тождества Шеллинг разворачивает учение об абсолютe как о не различённом единстве субъекта и объекта, духа и природы. Абсолют есть «индифференция», или точка безразличия, из которой разворачиваются все различия.

Различия суть лишь количественные перевесы то субъективного, то объективного в рамках единого абсолюта. Природа есть перевес объективного, дух — перевес субъективного, но

в абсолюте они тождественны. Шеллинг иллюстрирует это метафорой магнита: полюса различны, но суть проявления одной силы.

Гегель увидит в данной конструкции шаг вперёд по сравнению с Фихте: абсолют понят не как субъективное Я, а как единство субъекта и объекта. Но он же увидит и её недостаток. Шеллинговский абсолют есть «ночь, в которой все кошки серы», где различия исчезают, а не удерживаются.

Это абстрактное тождество, а не конкретное единство, прошедшее через различие. Гегелевская спекуляция будет настаивать на том, что абсолют есть не индифференция, а процесс, в котором различия не уничтожаются окончательно, а снимаются, то есть удерживаются в высшем единстве.

История самосознания

В «Системе трансцендентального идеализма» Шеллинг даёт образец диалектического построения, который окажет прямое влияние на гегелевскую «Феноменологию духа». Он прослеживает историю самосознания от первичного ощущения до высших форм культуры и философии.

Каждая ступень есть определённое отношение Я и не-Я, субъекта и объекта. Движение от одной ступени к другой происходит через противоречие и его разрешение. Это уже почти гегелевский метод, но есть важное отличие.

Последовательность ступеней остаётся внешней по отношению к самому абсолюту. Абсолют созерцает себя в ступенях, но не проходит через них как через свои собственные моменты. У Гегеля же дух сам становится тем, что он есть, через прохождение всех ступеней.

История самосознания у Гегеля не внешняя проекция абсолюта, а собственное становление.

Искусство как орган спекуляции

Особое место в системе Шеллинга занимает философия искусства. Именно в искусстве достигается высшее примирение субъекта и объекта, свободы и необходимости, сознательного и бессознательного.

Художественное творчество есть акт, в котором гений, сам того не сознавая, выражает абсолют. Искусство есть «органон философии», ибо оно даёт в чувственной форме то, что философия постигает в понятиях.

Гегель воспримет высокую оценку искусства, но отведёт ему иное место. У Гегеля искусство — одна из форм абсолютного духа, но не высшая. Высшей формой является философия, понятийное мышление.

Спекуляция для Гегеля достигает своей вершины не в образе, а в понятии. Искусство снимается в религии, а религия — в философии.

Спекуляция как предчувствие и как метод

Шеллинг вплотную подошёл к гегелевскому пониманию спекуляции. Он перенёс диалектику в природу, утвердил тождество субъекта и объекта как принцип философии, дал образцы диалектического построения системы.

Но он не разработал спекулятивный метод как строгую логику. Его философия осталась гениальной интуицией, «предчувствием» абсолюта, но не систематическим самопознанием духа.

Гегель возьмёт у Шеллинга идею тождества субъекта и объекта, но превратит её из абстрактного принципа в конкретный процесс. Он возьмёт идею интеллектуального созерцания, но заменит трудом понятия. Он возьмёт идею истории самосознания, но сделает внутренней логикой самого духа.

Шеллинг — необходимый посредник между Фихте и Гегелем, без которого гегелевский синтез был бы невозможен. Но именно Гегель превратит спекуляцию из предчувствия в метод.

Вторая глава проследила генеалогию гегелевской спекуляции в немецком идеализме.

Кант открыл антиномичность разума и ограничил спекулятивное познание сферой регулятивного. Фихте превратил антиномии в движущую силу диалектики, но остался в рамках субъективного идеализма. Шеллинг перенёс диалектику в природу и утвердил тождество субъекта и объекта, но не разработал строгого метода.

Гегель синтезирует эти достижения и создаёт спекулятивный метод в собственном смысле — метод, в котором противоречие не избегается, а удерживается и снимается, в котором абсолютное познаётся не как неподвижная субстанция, а как живой субъект, проходящий через все моменты своего саморазличения и возвращающийся к себе.

Глава 3. Порог гегелевского синтеза

В данной точке спекулятивное мышление впервые осознаёт себя как метод. Предшествующее развитие — от латинских корней через средневековую спиритуализацию и новоевропейскую секуляризацию к диалектическим опытам Фихте и Шеллинга — подготовило почву, но ещё не дало самой системы.

Гегель завершает прошлое движение и одновременно начинает нечто радикально новое. Для него спекуляция перестаёт быть одной из познавательных способностей наряду с рассудком и разумом. Она становится самым способом существования истины, логикой саморазвивающегося понятия.

Но прежде чем войти в грандиозное здание «Науки логики», необходимо остановиться на пороге и уяснить, что именно Гегель понимает под спекулятивным мышлением, как он отличает его от рассудочного и диалектического моментов и почему спекулятивное предложение требует разрушения привычной грамматической формы.

Эта глава посвящена прояснению самих оснований гегелевского метода — того, без чего невозможно понять ни логику, ни, в конечном счёте, ту связь с биржевым рынком, которая составляет один из самых интригующих сюжетов.

1. Фиксации противоположностей

Критика рассудка: необходимый, но ограниченный момент

Гегель никогда не отвергает рассудок, более того, настаивает на его необходимости. Рассудок есть способность фиксировать определения, проводить границы, устанавливать тождество и различие. Без такой работы мышление оставалось бы смутным и расплывчатым. Рассудок — та сила различения, без которой невозможно никакое познание.

Однако рассудок имеет фундаментальную ограниченность: он всегда останавливается на фиксированных определениях и не видит движения. Для рассудка вещь есть либо А, либо не-А, и третьего не дано. Закон исключённого третьего и закон тождества суть его высшие принципы. Рассудочное мышление действует в неподвижных категориях, в застывших противоположностях.

Абстрактное тождество и его недостаточность

Рассудок оперирует абстрактным тождеством. Когда он говорит «роза есть роза», он утверждает нечто формально верное, но совершенно пустое. Такое тождество не схватывает действительности, ибо действительность есть процесс, в котором вещь постоянно выходит за свои пределы, становится иной. Роза растёт, цветёт, увядает — она никогда не равна просто себе.

Рассудочное тождество есть абстракция процесса, полезная для практических нужд, но бессильная перед живой реальностью. Гегель называет такое мышление «рассудочной метафизикой», которая приписывает вещам неизменные предикаты и затем удивляется, когда вещи не укладываются в эти рамки.

Фиксация противоположностей как источник антиномий

Главный порок рассудочного мышления состоит в том, что оно фиксирует противоположности как несовместимые. Конечное и бесконечное, свобода и необходимость, субъект и объект, бытие и ничто — все пары рассудок мыслит как взаимоисключающие. Одно не может быть другим, но именно фиксация и порождает неразрешимые противоречия, антиномии, в которых запутывается рассудок.

Рассудок ставит совершенно непроходимую стену между противоположностями, а затем обнаруживает, что они переходят друг в друга, что конечное оказывается моментом бесконечного, что свобода невозможна без необходимости, что субъект и объект суть моменты единого целого. Рассудок не может справиться с переходом; он видит лишь нарушение своих законов, логическую ошибку.

Гегелевская критика кантовского агностицизма

Именно здесь Гегель расходится с Кантом, который, обнаружив антиномии чистого разума, сделал вывод о границах познания: разум не может познать вещь в себе, он запутывается в противоречиях, как только пытается выйти за пределы опыта.

Для Гегеля такой вывод есть капитуляция рассудка, который не понимает собственной природы. Противоречие — не знак бессилия разума, а, напротив, свидетельство его силы. То, что рассудок фиксирует как несовместимые противоположности, разум схватывает в их единстве.

Кант остановился на полпути: он увидел антиномии, но не увидел их разрешения. Он остался в плену рассудочного мышления, которое требует, чтобы противоположности были разделены. Гегель же делает следующий шаг: он показывает, что само противоречие есть движущая сила мышления и действительности.

Пример: диалектика конечного и бесконечного

Рассмотрим конкретный пример. Рассудок мыслит конечное и бесконечное как две отдельные сферы: есть мир конечных вещей, а где-то за его пределами — бесконечное. Но стоит попытаться определить границу между ними, как возникает противоречие.

Граница между конечным и бесконечным сама должна быть либо конечной, либо бесконечной. Если она конечна, то бесконечное оказывается ограниченным, то есть конечным. Если она бесконечна, то конечное никогда не достигает границы и, следовательно, не может быть определено как конечное.

Рассудок запутывается в противоречии. Спекулятивное мышление разрешает его иначе: оно показывает, что бесконечное не есть нечто отдельное от конечного, а есть само движение конечного за свои пределы. Конечное по своей природе выходит из себя, переходит в иное, и этот переход и есть бесконечное.

Бесконечное не потусторонний мир, а истина самого конечного. Так противоположности оказываются моментами единого процесса.

Рассудок как момент спекулятивного мышления

Гегель не отбрасывает рассудок, а «снимает» в особом смысле: удерживает, отрицает и возвышает. Спекулятивное мышление включает рассудок как свой необходимый момент. Прежде чем синтезировать противоположности, нужно различить и зафиксировать. Это работа рассудка.

Но спекулятивное мышление не останавливается на фиксации. Оно приводит фиксированные определения в движение, показывает их взаимопереход, их истину в единстве. Рассудок даёт тезис, диалектический момент — антитезис, спекулятивный момент — синтез.

Без рассудка не было бы определённости, без которой невозможен и синтез. Но рассудок, предоставленный самому себе, становится догматическим и впадает в неразрешимые противоречия. Его истина — в выходе за собственные пределы, в переходе к разуму.

Критика рассудочного мышления — первый шаг гегелевского введения в спекулятивный метод. Рассудок необходим, но недостаточен. Он фиксирует определения и противоположно-

сти, но не видит их движения и взаимоперехода. Его высшие законы — тождество и исключённое третье — суть абстракции, которые не схватывают живой действительности.

Противоречие, которое для рассудка обозначает ошибку, для спекулятивного разума есть свидетельство истины, движущая сила мышления. Кант остановился перед противоречием и объявил его границей познания. Гегель увидел в нём саму стихию разума.

Теперь предстоит рассмотреть, как именно разум работает с противоречием, в учении о спекулятивном как положительно-разумном.

2. Спекуляция как положительно-разумное Единство определений в их противоположности

В «Энциклопедии философских наук» Гегель даёт классическое определение трёх моментов логического: рассудочного, диалектического и спекулятивного.

Рассудочный момент фиксирует определения в их различии. Диалектический момент показывает, что каждое определение переходит в свою противоположность, что оно внутренне противоречиво. Спекулятивный момент схватывает единство этих противоположных определений, их положительный синтез.

Важно понять, что все три момента не отдельные способности или стадии, существующие независимо друг от друга. Они суть моменты единого движения мысли, которое и есть спекулятивное мышление в широком смысле. Спекулятивное в узком смысле — третий момент, синтез, но он невозможен без первых двух.

Диалектика отрицания и перехода в иное

Прежде чем достичь спекулятивного синтеза, мышление проходит через диалектический момент. Это момент отрицания, обнаружения внутренней противоречивости рассудочных определений.

Рассудок говорит: «Бытие есть». Диалектика показывает: чистое бытие, лишённое всяких определений, есть ничто. Рассудок говорит: «Нечто есть определённое, отличное от иного». Диалектика показывает: само определение нечего уже включает в себя отношение к иному, и потому нечто переходит в иное, становится им.

Диалектический момент разрушает неподвижность рассудочных категорий, приводя их в движение. Это момент негативности, который так важен для Гегеля. Без негативности нет развития, нет жизни. Но диалектика, взятая сама по себе, лишь скептицизм и разрушение. Она показывает, что рассудочные определения не истинны, но не показывает, что же истинно. Для этого нужен третий момент.

Положительное удержание противоположностей

Спекулятивный момент есть «положительно-разумное». Он не отбрасывает противоположные определения, не выбирает одно из них и не объявляет оба ложными. Он схватывает их в единстве, которое не абстрактное тождество, где различия исчезают. Напротив, различия удерживаются, но уже не внешне друг другу, а как моменты единого целого.

Гегель называет это «конкретным тождеством», которое прошло через различие и вобрало его в себя. Спекулятивное мышление видит, что истина бытия и ничто не в каждом по отдельности, а в их переходе, в становлении.

Становление есть единство бытия и ничто, но такое единение, в котором они не исчезли, а сохранены как моменты. Возникающее ещё не есть, но уже и не есть ничто; исчезающее уже не есть, но ещё и не есть ничто. Становление как спекулятивное понятие схватывает истину бытия и ничто.

Снятие как ключевая операция

Для описания спекулятивного синтеза Гегель использует термин *Aufhebung* — снятие. Это слово в немецком языке имеет три значения: упразднить, сохранить и поднять на высшую ступень. Спекулятивное снятие осуществляет все три одновременно.

Противоположности упраздняются в односторонности и взаимной исключительности. Но они сохраняются в содержании, которое теперь понимается как момент целого. Они поднимаются на высшую ступень, где их истина раскрывается полнее.

Снятие — центральная операция спекулятивного мышления, без понимания которого невозможно читать Гегеля. Вся «Наука логики» есть последовательность снятий, где каждая категория переходит в следующую, удерживая в себе всё богатство предыдущих.

Конкретное против абстрактного

Гегель постоянно противопоставляет конкретное мышление абстрактному. Абстрактное мышление — функция рассудка, который вырывает определения из связи и фиксирует как самостоятельные. Конкретное мышление — уже спекуляция, которая видит определения во взаимосвязи, в происхождении друг из друга.

Конкретное вовсе не означает чувственно-наглядное. Напротив, чувственная наглядность как раз абстрактна, выдавая единичное, вырванное из всеобщей связи. Конкретное в гегелевском смысле — это богатство определений, постигнутое в их единстве.

Истина конкретна, потому что она есть не отдельное определение, а целое, прошедшее через все свои моменты. Спекулятивное мышление и есть путь к конкретному, путь от абстрактного тождества через различие к конкретному единству.

Спекулятивное как метод самой вещи

Важнейший тезис Гегеля состоит в том, что спекулятивное мышление не есть внешний метод, который мы применяем к предмету. Это метод самой вещи.

Сама действительность устроена спекулятивно: она есть процесс, в котором противоположности переходят друг в друга и снимаются в высшем единстве. Мысль, которая мыслит спекулятивно, не навязывает действительности чуждую ей схему; она лишь следует за собственным движением предмета.

В данном смысле логика Гегеля онтологична: она описывает не только формы мышления, но и формы бытия. Спекулятивное мышление означает самопознание действительности, достигшей в человеке и философии своего самосознания.

Философия права: свобода и закон

Проиллюстрируем спекулятивное единство противоположностей примером из философии права. Рассудок противопоставляет свободу и закон: свобода есть отсутствие ограничений, закон есть ограничение. Свобода и закон кажутся несовместимыми.

Диалектический момент показывает, что чистая, неограниченная свобода есть произвол, который саморазрушителен: если каждый волен делать всё, что хочет, возникает война всех против всех, в которой свобода уничтожается. Закон же, ограничивая произвол, создаёт условия для действительной свободы.

Спекулятивный синтез показывает, что истинная свобода есть не отсутствие закона, а жизнь по закону, который является своим собственным законом человека, выражением его разумной воли. Свобода и закон не исключают друг друга, а суть моменты конкретного единства — нравственной жизни, в которой индивид свободен именно потому, что подчиняется разумному всеобщему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.